

На правах рукописи

МУЛАЕВА Нина Михайловна

**ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА
ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ
(ВОЗМОЖНОСТЬ, НЕОБХОДИМОСТЬ, ДОСТОВЕРНОСТЬ)**

Специальность 10.02.22. - языки народов зарубежных стран
Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии
(монгольские языки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук



Элиста 2006

Работа выполнена в отделе языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук.

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор
Монрасв Михаил Убушаевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
профессор
Дамбуева Полина Петровна
кандидат филологических наук,
доцент
Дарваев Петр Александрович

Ведущая организация: Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН

Защита диссертации состоится «29» декабря 2006 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета К212.305.01. в Калмыцком государственном университете по адресу: 358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Калмыцкого государственного университета по адресу: 358011 Республика Калмыкия, г. Элиста, 5 микрорайон.

Автореферат разослан «28» ноября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук



Бадмаев Б.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее диссертационное исследование представляет собой системное описание лексико-грамматических средств выражения категории модальности на материале современного калмыцкого языка.

Актуальность темы исследования. Диссертационная работа посвящена одной из малоизученных проблем калмыцкого языкознания – категории модальности и средствам ее выражения в современном калмыцком языке. Выбор темы объясняется тем, что отдельные типы и виды модальности до сих пор не выделены в качестве самостоятельных объектов исследования и в теоретическом, и в практическом плане системно не изучены.

Цели и задачи исследования. Целью исследования является выявление типов модальности и лексико-грамматических средств их выражения в калмыцком языке. Для реализации этой цели были поставлены следующие задачи:

- 1) рассмотреть историю изучения категории модальности в монголоведении и конкретно в калмыковедении;
- 2) выявить функционально-семантические поля модальности в калмыцком языке со значением возможности, необходимости и достоверности;
- 3) определить типы категориальных ситуаций каждого поля;
- 4) зафиксировать список средств выражения исследуемых типов модальности;
- 5) определить состав основных групп модальных слов и модальных частиц в современном калмыцком литературном языке.

Методологические основы и методы исследования. Поставленные задачи определили выбор наиболее адекватных методов исследования. Изучение модальности в работе осуществляется структурно-семантическими методами, что, с нашей точки зрения, в наибольшей мере отвечает задачам системного функционально-семантического описания.

Методологической основой для решения поставленных задач явились теоретические положения, изложенные в работах В.В. Виноградова «О категории модальности и модальных словах в русском языке», В.З. Панфилова «Грамматика и логика», «Взаимоотношение языка и мышления», а также труды ведущих мон-

головедов в области морфологии и синтаксиса Г.Д. Санжеева, Г.Ц. Пюрбеева, Р.П. Харчевниковой, П.П. Дамбуевой, В.Н. Мушаева, Э.У. Омакаевой и др.

Материалом исследования послужила выборка примеров из произведений калмыцких писателей, устного народного творчества, периодической печати и разговорная речь.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) Семантика предложения в калмыцком языке включает в себя по крайней мере три компонента: пропозитивный, модальный и коммуникативный. Модальность как универсальная семантическая категория присуща любому высказыванию.

2) Категория модальности имеет два аспекта: объективная модальность (внутренняя модальная рамка) и субъективная модальность (внешняя модальная рамка). Первая реализуется внутри пропозиции как реальность/ирреальность отношений между предикатом и его аргументами, вторая выражает отношение говорящего к содержанию высказывания.

3) Содержательность специфики категории модальности наиболее адекватно отражает термин «функционально-семантическое поле» (ФСП), основными характеристиками которого являются общность семантической функции и разноуровневость средств выражения.

План содержания ФСП делится на семантические зоны (микрореполя) на основе дифференциальных признаков, выделяемых в процессе анализа семантики составляющих его компонентов - центральных и периферийных.

4) В калмыцком языке выделяются три типа модальности: алетическая (возможность), деонтическая (необходимость) и эпистемическая (знание, достоверность). Основными средствами выражения указанных типов модальности являются модальные глаголы, модальные слова и частицы.

Научная новизна исследования состоит в том, что в результате комплексного подхода впервые выявлены и системно описаны модальные поля достоверности, возможности и необходимости, охарактеризована их семантическая структура, исследованы их семантические типы и подтипы. Впервые в калмыковедении всесторонне проанализированы лексико-грамматические средства выражения модальности (модальные слова и модальные частицы).

Теоретическая и практическая значимость исследования. Результаты исследования могут быть использованы при составлении грамматик калмыцкого языка, в лекционных курсах и на семинарских занятиях по калмыцкому языку, а также при создании учебников и методических пособий для высших учебных заведений.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на совместном заседании отдела языкознания и отдела монголоведения и тибетологии Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук. Ее основные положения и результаты докладывались на II-й Межрегиональной конференции «Молодежь в науке: проблемы, поиски и перспективы» (Элиста, 2004 г.), на I-х Бертагаевских чтениях, посвященных 100-летию со дня рождения Т.А. Бертагаева (Элиста, 2005), на II-й республиканской научно-практической конференции молодых ученых и специалистов «Молодежь и наука: третье тысячелетие» (Элиста, 2005). По теме диссертации опубликовано 7 статей, в том числе 1 статья в рецензируемом издании, входящем в перечень журналов, утвержденных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии, списка сокращений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, обозначены его цели и задачи, определяются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе «Из истории изучения категории модальности» обозначены взгляды ученых на категорию модальности в общем языкознании и монголоведении, рассмотрено «широкое» и «узкое» понимание данной категории исследователями.

«Широкое» понимание модальности изложено в работах Ш. Балли, Э. Бенвениста, В.В. Виноградова, М.З. Закиева, Н.Е. Петрова и др. «Узкое» понимание категории модальности представлено в работах Н.Ю. Шведовой, В.Н. Бондаренко, Г.А. Золотовой, Т.П. Ломтева, В.З. Панфилова, И.П. Распопова и других.

В монголоведении проблему модальности рассматривали в своих трудах отечественные и монгольские ученые Ш. Лувсанвандан (1956), Г. Мөөмөө (1960), Т. Пагба (1961), Т.А. Бертагаев (1964), Г.Д. Санжеев (1963), Ж. Төмөрцэрэн (1966), Ц. Өнөрбаян (1981), Ж. Санжаа (1987), Ж. Цолоо (1989), Г.Ц. Пюрбеев (1981), С.С. Балагунова (1987), А.С. Жаргалов (1987, 1989), Э.И. Бюраева (1989, 1991), Е.С. Павлова (1991), Р.П. Харчевникова (1995), В.Н. Мушаев (1995, 2004, 2005), Э.У. Омакаева (2005) и др. Имеются монографические исследования Ю. Мөнх-Амгалана (1993, 1997), П.П. Дамбуевой (1994, 2001), в которых категория модальности рассмотрена достаточно широко и глубоко на материале разных монгольских языков.

Среди первых работ, посвященных исследованию категории модальности на материале монгольских языков, следует назвать статью Г.Ц. Пюрбеева в журнале «Вопросы языкознания» (1981). Исследователь отмечает, что в монгольских языках типы и виды модальных значений в известной мере различаются способами и средствами своего выражения. Однако, будучи разнообразными по семантике и формам реализации, они все же являются более или менее общими для калмыцкого, бурятского и монгольского языков.

В сопоставительно-типологическом исследовании П.П. Дамбуевой категория модальности впервые стала предметом специального монографического исследования на материале бурятского языка. В работе выявлены наряду с универсальными явлениями типологические различия в плане содержания и в плане выражения категории модальности в бурятском и русском языках на основе отдельных положений, выработанных в общем языкознании [Дамбуева, 1999].

В монографическом исследовании П.П. Дамбуевой, опубликованном в 2001 году, значения объективной модальности составляют центральную (основную) систему модальности и образуют оппозицию реальные модальные значения (выражаемые изъявительным наклонением) / ирреальные модальные значения (выражаемые повелительно-желательным наклонением). Семантическая структура периферийной системы категории модальности (субъективная модальность) представляется автором в виде макрополя модальности, состоящего из полей: достоверность-недо-

стоверность, желательность-нежелательность, утверждение-отрицание и т.д.

Исследователем определена семантическая структура модальности; выявлены разноуровневые средства ее выражения в современном бурятском языке и дан их детальный анализ. Следует отметить, что категория модальности впервые в монголоведении рассмотрена П.П. Дамбуевой на уровне сверхфразовом (текстовом).

В диссертационном исследовании монгольского ученого Ю. Мөнх-Амгалана детально исследована предположительная модальность. Автор считает, что модальность - это полисемантическая функциональная категория, значения которой образуют центральную и периферийную системы, первая из них составляет ядро семантического поля модальности. Категория модальности описывается исследователем в виде системы с четко выраженной структурой [Мөнх-Амгалан, 1993].

Если основные типы и значения модальности в халха-монгольском и бурятском языках описаны достаточно подробно, то в калмыковедении категория модальности, в частности лексико-грамматические средства ее выражения еще не стали предметом специального исследования, хотя и имеются отдельные работы, посвященные тем или иным аспектам модальности в калмыцком языке.

Так, например, исследуя категорию наклонения в калмыцком языке, Р.П. Харчевникова традиционное повелительно-желательное наклонение по доминирующей модальной семантике разграничивает на повелительное, желательное и предостерегательное наклонения и выявляет средства контекста, которые имеют модальное, темпоральное и аспектуальное значения: это модальные индикаторы, временные локализаторы и аспектуальные спецификаторы (класс слов, словосочетаний с модальными, временными, аспектуальными значениями) [Харчевникова, 1995].

В статье «Категории глагола и структура предложения в калмыцком языке» Э.У. Омакаева, придерживаясь узкой трактовки категории модальности, пишет, что модальность имеет только два аспекта: первый – это внутренняя модальная рамка (объективная модальность – в традиционной терминологии), а второй – внешняя модальная рамка (субъективная модальность). Иссле-

дователь считает, что модальность не должна включать в себя такие семантические сферы, как, например, коммуникативная характеристика высказывания (утверждение, вопрос, побуждение) [Омакаева, 2005].

В диссертационном исследовании В.Н. Мушаева «Структура и семантика калмыцкого предложения» даются все типы модальных значений, каковых насчитывается шесть, причем первые три (достоверность/недостоверность; возможность, необходимость, желательность; реальность/нереальность) квалифицируются как базовые, а остальные входят во вторую группу, для которой признаки модальности не являются первостепенными [Мушаев, 2005].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что модальность в калмыцком языке нуждается в дальнейшем тщательном исследовании, как в плане содержания, так и в плане выражения.

Вторая глава «Типы модальности и их содержание в калмыцком языке» посвящена системному описанию модальных значений возможности, необходимости, достоверности калмыцкого языка. Здесь раскрыта семантическая структура каждого модального поля, выявлены средства выражения.

В нашем понимании категория модальности имеет «узкий» функциональный объем в языке. Мы считаем, что модальность – это функционально-семантическая категория, которая отражает характер объективных связей, наличных в той или иной ситуации с точки зрения возможности, необходимости и реальности, и содержит оценку степени достоверности сообщаемого со стороны субъекта мысли. Соответственно этому определению различаются объективная и субъективная модальности. Первая отражает характер объективных связей, наличных в той или иной ситуации, на которую направлен познавательный акт, а именно – связи возможные, действительные и необходимые. Вторая выражает оценку со стороны говорящего степени познанности этих связей, т. е. она указывает на степень достоверности мысли, отражающей данную ситуацию, и включает проблематическую, простую и категорическую достоверности.

Функционально-семантическое поле модальности в современном калмыцком языке можно разбить на ряд полей в зависимости от выражаемого модального значения. Центром функционально-семантического поля модальности в калмыцком языке явля-

ется объективная модальность, которая состоит из модальных полей возможности, необходимости и действительности. Субъективная модальность представлена модальным полем достоверности, включающим в себя три степени достоверности (простую, проблематическую и категорическую).

Возможность в лингвистике понимается как представление говорящего о такой связи между субъектом ситуации и его признаком, «при которой существует обусловленность ситуации детерминирующими факторами (объективными или субъективными), допускающими различный исход потенциальной ситуации – ее реализацию или нереализацию» [Беляева, 1990].

Субъект модальной оценки может совпадать с субъектом речи (говорящим). Например: Ур ах лейтенант, би чадшгов, би... би өрэлинь уунав “Товарищ старший лейтенант, я не смогу, я... я выпью половину”.

В инструктивных текстах (правилах, советах, инструкциях), в высказываниях в виде сентенций в роли субъекта модальной оценки выступает некий носитель коллективной мудрости. Например: Шаңһа көдлмшлә наадж болшго “С казенной работой шутить нельзя”.

Если субъект модальной оценки не совмещен с говорящим и не является обобщенным лицом, то он эксплицитно указывается в высказывании. Ср.: Чамд удан көдлж болшго “Тебе нельзя много работать”. Чамд удан көдлж болшго. Тиим селвг эмч өгв “Тебе нельзя много работать. Так рекомендовал врач”.

Объектом оценки выступает некая предметная ситуация, в которой имеются субъект возможного действия (лицо, способное осуществить действие, о котором идет речь), действие и субъект волонтактивности (лицо, осуществляющее волевое действие). Обычно субъект волонтактивности кореферентен субъекту действия. Например: Болвсен тедниг толһалж чадхми “Болвсан может ими руководить”.

Основанием оценки модальной ситуации возможности являются объективные или субъективные обстоятельства, влияющие на реализацию / нереализацию данной ситуации, т. е. детерминирующий фактор.

Основным средством выражения семантики возможности являются модальные модификаторы чадх/ядх «мочь/не мочь», способные выражать содержание различных типовых ситуаций воз-

возможности. Болх / болшго «можно/нельзя» также частотны, но они соотносимы лишь с ситуациями объективной возможности.

Модальные модификаторы арһ бээнэ «есть возможность», арһ олх «находить возможность», арһта болх «иметь возможность», зөв бээнэ «есть право», зөв өггднэ «дается право» выражают ситуации объективной возможности. Например: Буудян урһц икдэх арһ манд ода бээнэ “У нас теперь есть возможность увеличить урожай зерна”; Би энүнэс юуһарн татув. Нурвн арслн өгч чадх арһ бээнэ “Чем я хуже его. У меня есть возможность дать три рубля”; Республиканск больницин ах эмч Владимир Балашов мана төрмүдиг хамгин түрүнд хаһлх арһ олна “Главный врач республиканской больницы Владимир Балашов находит возможность, прежде всего, решать наши проблемы”.

Модальный глагол чадх «мочь, суметь, уметь, быть в состоянии что-либо сделать, справиться с чем-либо» обозначает только внутреннюю возможность: Бүүрэн эн арһлж ясна: хадас хадна, яршг кенэ, хала бас олзлж чадна “Свое жилище он ремонтирует умело: забивает гвозди, делает ящики, также умеет использовать жесть”.

Под понятием необходимости объединяются значения должествования и вынужденности. Категориальная ситуация необходимости обуславливается объективными или субъективными обстоятельствами, определяющими необходимость реализации данной ситуации [Кызласова, 2001].

Структура ситуации необходимости выглядит следующим образом: субъект речи сообщает о том, что субъект модальной оценки считает необходимым, чтобы осуществилась некоторая ситуация (объект оценки). Структура ситуации необходимости может быть как моносубъектной, так и полисубъектной.

В калмыцком языке необходимость действия детерминируется различными обстоятельствами:

1) определенным стечением обстоятельств, например: Бас арвн кү хэрү, урдк бээрнүрн йовулхм: эврэннэ улсан хээж олх кергтэлм “Давайте отправим обратно десять человек на то же место, так как нужно ведь найти своих людей”.

2) требованием этических норм, правил поведения, например: Болв эцкэн тевчх кергтэ “Однако, отца нужно уважать”.

3) предписанностью социальных установлений, определенными обязанностями субъекта, например: Олнд тусан күргхин кергт,

теднэ зовлң-жирл сээнэр медх кергтэ “Необходимо хорошо знать их заботы и радости, чтобы помогать людям”.

4) запланированностью ситуаций, например: Тиигтл энүг медх кергтэ “Между тем это надо знать”.

5) обычаем («так положено, заведено, бывает обычно»), например: Эр цээжл йовх бээдлтэ, босх кергтэ “Видимо, светает, надо вставать”.

6) определенными качествами субъекта, например: Көдлмшт, бичкдүдт дурта, дэкэд сурһульта, ташр медэгэ биш күн кергтэ “Нужен человек работающий, любящий детей, образованный и относительно молодой”;

7) воздействием чужой воли, например: Көдлх, көдлх кергтэ! “Необходимо трудиться и трудиться!”.

8) внутренней потребностью субъекта, его намерением, например: Намд кергтэ, намд! “Мне требуется, мне!”.

Центр модального поля необходимости в калмыцком языке составляют модальные слова кергтэ «надо, надобно, необходимо, следует», зөвтэ «должен, обязан», а также существительное керг «дело».

Конструкции с модальным словом кергтэ могут выражать:

а) необходимость, обусловленную определенным стечением обстоятельств, например: Өдгэ цагла өөдөн медрлтэ специалистр кергтэ болжана “В настоящее время требуются знающие специалисты”.

б) долженствование, основанное на запланированности ситуации, например: Эн сард көдлмшэн чилэх кергтэ “Свою работу следует закончить в этом месяце”.

Модальное значение долженствования в калмыцком языке выражается сочетанием причастия будущего времени и модального слова зөвтэ «должен, обязан». С помощью этой инфинитивной конструкции могут быть описаны некоторые семантические оттенки данного модального поля, например:

а) предписанность с точки зрения существующих социальных установлений, обязанностей, например: Тер закаһар болхла, би бас цаарандан сурх зөвтэв “По тому закону, я тоже должен продолжать учебу”.

б) предписанность с точки зрения внутреннего долга, этических норм, например: Гемтэ улс кезэ чиги зөвтэ, тегэд зацгинь дааж,

келсинь күцэх зөвтэт “Больные всегда правы, поэтому вы должны выполнять то, что они скажут, несмотря на их характер”.

Модальное слово керг «обязанность» передает значение необходимости действия, предписанного социальными обязанностями, установлениями субъекта, например: Эн хамгиг харһсн күн болһнд цээлһж өгх мана эркн керг “Наша главная обязанность - разъяснить все это каждому встречному человеку”. Эман өгсн үүрмүдтэн сүл өрэн өгч теднэ үкэр деер махлаһан авч зогсх – мана керг “Наша обязанность - отдать последний долг погибшим товарищам, постоять, сняв шапки у их могилы”.

В калмыцком языке возможна ситуация, в которой отрицается необходимость реализации действия. Эта отрицательная ситуация передается отрицанием уга, например: Алцтрад керг уга, байрлх кергтэ “Не нужно удивляться, радоваться нужно”.

Вспомогательный глагол болх «становиться, делаться» может передавать значение вынужденности действия: субъекту приходится / не приходится совершать какое-то действие вопреки своему желанию или объективная ситуация нацеливает на то, чтобы субъект совершил / не совершил действие. Например: Ут тоодан һучн дөрвн күн Красный Яр гидг селэн тал йовх болжанавидн “В итоге тридцать четыре человека должны пойти в сторону села Красный Яр”.

Глагол-связка билэ в сочетании с причастием будущего времени может передавать значение необходимости реализации действия, например: Эн сонһн зэнг аавдан медүлх билэ “Эту интересную весть надобно будет сообщить отцу”.

В семантическом поле достоверности мы вслед за Г.Ц. Пюрбеевым выделяем три степени достоверности сообщения: простую, проблематическую и категорическую. Ср., например, следующие предложения: 1) Чи хэрхвч? “Ты пойдешь домой?”; 2) Чи хэрх болвзач? “Может быть, ты пойдешь домой?”; 3) Чи хэрх болговч? “Ты действительно пойдешь домой?”

Если модальность простой достоверности нейтральна и однородна, то проблематическая и категорическая модальности заключают в себе целый ряд смысловых оттенков и нюансов, точно определить которые очень трудно.

В ситуации простой достоверности говорящий считает, что его высказывание адекватно объективной реальности, он уверен в своих рассуждениях, выводах, выдает их за свои знания.

Усиленная (категорическая) достоверность возникает, когда говорящий лично убежден в достоверности высказываемого по отношению к незнаниям или сомнениям других лиц, т. е. говорящий считает, что у него есть достаточные основания развеять имеющиеся сомнения и подтвердить истинность ранее высказанного предположения [Теория функциональной грамматики, 1990].

Значение категорической достоверности выражается с помощью модальных слов: алдг уга «несомненно», лав «верно, точно, достоверно», лавта «наверняка, несомненно, конечно», лавар «верно, точно, достоверно», маһд уга (маһдго) «несомненно». Например: Тегәд, эн саак намаһан авхар йовхнь алдг уга “Несомненно то, что он идет, чтобы забрать меня”. Хойрдвар болхла, мөргүлин әмтст немшин церг маһд уга диилх иткл батрулх зөвтәт “Во-вторых, вы должны крепить веру религиозных людей в то, что немецкая армия несомненно победит”.

Категорическая достоверность с оттенком бесспорного утверждения и полной абсолютной уверенности выражается вспомогательным глаголом бол- в форме на -лго, -нус/ -нус. Например: Эн кенә машинб? - Эзнәни болнус “Это чья машина? - Разумеется, хозяина”. Ср.: Эн кенә машинб? - Эзнәни боллго “Это чья машина? - Конечно, хозяина”.

В ситуации неполной, проблематической достоверности говорящий считает, что его знания о реальном положении дел в действительности недостаточно полны; он выражает сомнение, неуверенность, строит предположения, допущения. В калмыцком языке проблематическая достоверность передается разнообразными средствами и, в первую очередь, модальными словами на -та, -тә: кевтә «кажется, как будто», бәәдлтә «видимо», боллта «возможно, вероятно, видимо, кажется, наверно», билтә «очевидно, вероятно», дүртә «похоже, будто, кажется, видимо», янзта «кажется, видно, как будто». Эти модальные слова обычно выступают в сочетании с причастиями, но некоторые из них могут употребляться и с инфинитивными формами глагола. Например: Әмтә юмн бәәх кевтә “Видимо, есть что-то живое”; Нег әәмштгә төр учрад одсн бәәдлтә “Видимо, случилось что-то очень страшное”.

К типичным модальным словам со значением проблематической достоверности относятся слова маһд, маһдта; например: Маңдур колхоз орхм маһд “Возможно, завтра поедем в колхоз”; Үлгүр

түүшлж, хоосн, халцханр чигн хогта, бээхтэнр уга бээж чадхнь лавта, хогта, бээхтэнр хоосн, халцханр уга бээж чадхнь маһдта “К примеру, то, что бедняки смогут прожить без богачей, несомненно, а то, что богачи смогут прожить без бедняков - сомнительно”.

В калмыцком языке проблематическая модальность со значением недостаточной уверенности и предположения может выражаться следующими аналитическими конструкциями: вспомогательным глаголом бол- (быть, становиться) в форме причастия будущего времени в сочетании с причастием основного глагола (например, ирсн болх «видимо, [он] пришел», ирдг болх «видимо, [он] приходит»), вспомогательным глаголом алдх в форме на -лта с причастием или деепричастием основного глагола, например: Гертнь гиич ирсн алдлта “К ним, кажется, приехал гость” (ср. Гертнь гиич ирж алдлта «то же»); Дангин кеер йовдг ахлач конгорт сууһад күләжэхлә, нег му юми учрж одсн болжана “Вероятно, случилось что-то плохое, если управляющий, который всегда пропадает в степи, сидит в конторе и ждет”.

Вспомогательный глагол болх «становиться, делаться кем-чем-либо, каким-либо, превращаться в кого-либо», вступая в различные сочетания с другими словами, может выражать разнообразные модальные значения. Например, модальное значение предположения: Намла яһж харһсан Хонһр келсн болх танд “Хонгор, наверное, говорил Вам, как он встретился со мной”.

Вспомогательный глагол бээнэ «есть, имеется» в форме причастия будущего времени выражает значение предполагаемого действия или состояния, например: Чини балһсна төлэ ноолдх, терүг сулдхх йовдл нанд харһадчн бээх “Может быть, мне придется сражаться за твой город и его освободить”.

Некоторые вспомогательные глаголы и аналитические сочетания типа медгдх «казаться», болад бээх «казаться», болж медгдх «казаться», болж үзгдх «казаться», болад одх «казаться» также выражают различные оттенки сомнения и предположения. Примеры из текста: Балһсна дотраһар ниһгэн-тингэн эргн йовж, машин зогсад одснь медгдв “Показалось, что, покружив по городу, машина остановилась”; Дегд төвкнүн-тагчг болсн болад бээнэ “Кажется, что стало слишком спокойно и тихо”; Негт мнисин бичкн кичгин дун болж медгднэ “То кажется, что мяукает котенок”.

В недостоверных высказываниях очень распространены вводные элементы типа **миниһәр болхла, мини санаһар** «по-моему (по моему мнению)», **мини меддгәр** «насколько я знаю», **би санжанав** «я так думаю». Они снижают категоричность высказывания с помощью подчеркнутой авторизации, которая устанавливает степень ответственности за истинность высказывания, которую берет на себя говорящий. Например: **Миниһәр болхла, тадила эдл иим улста уулыг хольвлж болхми гиж би саннав** “По-моему, с такими, как вы, я думаю, можно горы свернуть”.

В третьей главе «**Модальные слова как лексико-грамматическое средство выражения модальности в калмыцком языке**» устанавливаются критерии и принципы выделения модальных слов в калмыцком языке.

В § 1 «**Из истории изучения модальных слов**» рассматриваются основные подходы к изучению модальных слов в общем и монгольском языкознании.

Исходя из концепции В.З. Панфилова, мы считаем, что модальные слова - это неизменяемые слова. Модальные слова выражают различные модальные отношения и оценку говорящим степени достоверности сообщаемого с точки зрения возможности, необходимости, действительности, предположения, вероятности или заведомой уверенности [Панфилов, 1977].

§ 2. Функционально-семантическая характеристика модальных слов в калмыцком языке. Модальные слова в калмыцком языке являются одним из лексико-грамматических средств выражения категории модальности. Мы не относим к модальным словам глаголы, в лексическом значении которых заложена модальность, модальные частицы, а также слова и словосочетания, которые выражают эмоциональное отношение к высказываемой мысли, утверждение и отрицание, квалификацию отношения содержания какого-нибудь отрезка речи к общей последовательности мысли и т.д.

Кроме этого, от модальных слов следует отличать вводно-модальные слова (образования). Вводно-модальные образования – это вводные элементы, которые выражают модальные отношения говорящего. Вводно-модальные образования в калмыцком языке впервые были рассмотрены В.Н. Мушаевым в общей системе вводных элементов. Исследователь считает, что в

качестве вводно-модальных образований в калмыцком языке употребляются слова разных лексико-грамматических категорий. Они характеризуются относительной неизменяемостью и морфологической нечленимостью. По своему происхождению большинство этих образований связано с глагольными формами: санхд (видимо, кажется); шинжлхд (кажется) [Мушаев, 1995].

§ 3. Функционально-семантические разряды модальных слов.

Анализ модальных слов в калмыцком языке показал, что модальные слова по их семантическому содержанию можно разделить на следующие разряды:

I. Модальные слова, выражающие возможность-невозможность, запрещенность: арһго (арһ уга) «невозможно», арһ бээнэ «возможно».

Модальное слово арһго (арһ уга) «невозможно» (аргагүй в монгольском и бурятском) выражает невозможность совершения действия. Например: Болв авалин шиидвриг бурушадг арһ уга “Но невозможно оспаривать решение мужа”.

II. Модальные слова, выражающие долженствование и необходимость: кергтэ «надо, надобно, необходимо, следует»; зөвтэ «должен, обязан», йоста «должен», учрта «нужно, должно, следует», эркэн уга «обязательно, непременно», эрк биш «обязательно, непременно», яһв чигн (яһвчн) «во что бы то ни стало, обязательно, непременно». Например: Эндр терүг олж авх кергтэ “Сегодня его нужно найти”; Эс гиж Жаңһр эн делкэ эзлх зөвтэ, эс гиж би эн делкэ эзлх зөвтэв “Или Джангар должен владычествовать в этом мире, или же я должен завоевать этот мир”; Олна зөөр хулхалсн күн үүлэн даах йоста “Человек, укравший общественное имущество, должен отвечать за содеянное”; Тер эндр эркэн уга ирх “Сегодня он придет непременно”; Яһв чигн ирхвидн “Мы обязательно придем (Мы во что бы то ни стало придем)”.

Модальное слово кергтэ «надо, надобно, необходимо, должно, следует» выражает значение необходимости совершения действия. Оно образовано от слова керг «обязанность» с помощью аффикса -тэ. По своему происхождению это модальное слово является исконно монгольским, зафиксированным и в других монгольских языках. Например: Би тантай хөөрэлдэхэ тон шухала хэрэгтэй һэм (бур.) “Мне надо бы поговорить с вами по очень важному делу”. Хүндэтгэн үзэх хэрэгтэй... (х-монг.) “Следует относиться с уважением...”.

Модальное слово **кергтэ** употребляется во всех типах предложений (повествовательных, побудительных, вопросительных), а также в качестве ответной реплики диалога. Например: **Өгйэхэр нег цөөкн мөнгн кергтэ** “Надо немного денег взаймы”; **Машид кергтэ!** “Нужны машины!” **Чамд ямаран бамб цецг кергтэ?** “Какой тюльпан тебе нужен?” - **Чамд эн кергтэй?** - **Кергтэ.** “– Тебе это нужно? – Нужно”.

III. Модальные слова, выражающие значение действительности: **йосндан** «действительно», **үнэртэн** «действительно», **үндэн** «действительно, в самом деле», **үнэр** «действительно, в самом деле», **үнэри** «в действительности», **йостаһар** «всерьез», **үнднь** «действительно», **үни** «действительно». Например: **Йосар болхла, үндэн сэнэр амрх кергтэ болхми** “Если серьезно, действительно, нужно будет хорошо отдохнуть”; **Миниһэр болхла, босч келси улс үнэр, эрүн седкл дээрэс келцхэв** “По-моему, люди, которые выступали, действительно говорили от чистого сердца”.

IV. Модальные слова, выражающие проблематическую достоверность (гипотетические модальные слова): **маһд** «возможно, может быть, быть может», **маһдта** «сомнительно», **маһдар** «сомнительно, неопределенно», **боллта** «возможно, вероятно, видимо, кажется, наверно», **кевтэ** «кажется, как будто», **бээдлтэ** «видимо», **янзта** «кажется, видно, как будто», **билтэ** «очевидно, вероятно», **дүртэ** «похоже, будто, кажется, видимо», **өңгтэ** «кажется, видимо», **болвза** «может быть», **бээлтэ** «кажется есть, должно быть», **алдлта** «пожалуй, авось, может быть, возможно». Например: **Мадниг үзси боллта** “Кажется, он нас заметил”; **Муузра өрүн эрт босад, йовж одси бээдлтэ** “Муузра встал очень рано и, видимо, ушел”.

V. Модальные слова, выражающие категорическую достоверность: **алдг уга** «несомненно», **лав** «верно, точно, достоверно», **лавта** «наверняка, несомненно, конечно», **лавар** «точно, верно, правдиво», **маһд уга (маһдго)** «несомненно, бесспорно». Например: **Ирхм алдг уга билэ, Цедэ** “Несомненно, должен был прийти, Цеден”; **Сэхэн эн герт бээршлжэх прокуратурин көдлэчир зөв-йосна халхар кежэх көдлмшэн ясерулж, олд тустаһар үүлдхнь лавта** “Несомненно то, что работники прокуратуры, которые расположились в этом красивом здании, будут действовать в интересах народа, совершенствуя работу в области правопорядка”.

§ 4. Синтаксическая характеристика модальных слов в калмыцком языке.

В зависимости от синтаксической функции модальные слова в калмыцком языке можно разделить на 4 группы:

1) модальные слова, выполняющие в предложении функцию вводных слов: маһд уга, лавта и т.д. Например: Маһд уга, бидн чамд иткжәнэвидн “Бесспорно, мы тебе доверяем”. Лавта, үзэд-медэд хажана гихв “Как уже очевидно, несомненно, стреляют”.

2) модальные слова, выполняющие функции различных членов предложения: эрк биш, эркән уга, үнндән и т.д. Например, в функции обстоятельства: Бер үнндән Бальжрмад таасгдсн уга “Невестка действительно не понравилась Бальджирме”.

3) модальные слова, выполняющие функцию самостоятельного сказуемого или компонента составного сказуемого: кергтә, зөвтә, йоста и т.д. Например:

- в функции самостоятельного сказуемого: Философий бас манд кергтә “Философия нам нужна”.

- в функции компонента составного сказуемого: Сәәхлә чини герги биш, мини герги болх зөвтә! “Сяхля должна быть не твоей, а моей женой!”

4) модальные слова в роли нечленимых предложений - ответных реплик диалога. Нечленимые предложения выражаются чаще всего следующими модальными словами: маһд, маһд уга, үнәр, лав.

Например:

- Дән болсн цагт түрүн хортнла харһж, түрүн түүг чеежәрн түлкж зогсадг маначрвидн.

- Маһд уга...

“- Мы защитники, которые во время войны первыми встретились с врагом, первыми грудью своей его остановили.

- Несомненно”.

- Нанд бәэх юмн Жаңһрт уга, нәәми түми цергин нари дорк делкәг намд орулж өгхнхь...

- Маһд.

- Лав

“- У Джангара нет того, что есть у меня, он отдал бы мне во владение государство с восьмидесятитысячным войском...

- Может быть.

- Точно”.

В предложении может употребляться одно модальное слово: **Бийстгн кергтэ болх** “Вам самим будет нужно”; **Энүнэ ээлдсн хамг эрк биш күцнэ** “Все предсказанное им обязательно случится”.

Возможно употребление двух модальных слов: **Нэ, Ольдатн кесгтэн ирдг бээдл уга болв... нааһаснь одад харһх кергтэ болжах бээдлтэ** “Ну, Ольда, видимо, не скоро вернется... вероятно, надобно поехать к нему и встретиться”; **Эрк биш би Дала ламиг үзх зөвтэв** “Я непременно должен увидеть Далай ламу”.

Семантические типы модальных слов коррелятивны с функционально-модальными типами предложений. Например, модальные слова со значением категорической достоверности способны употребляться в повествовательных и восклицательных предложениях, но не могут, естественно, выступать в вопросительных, за исключением предложений с риторическим вопросом.

Модальные слова со значением проблематической достоверности обычно употребляются в повествовательных и вопросительных предложениях. Однако они не встречаются в побудительных предложениях. Например: **Эс гиж мана гиич ичжэх бээдлтэ** “Или же наш гость, видимо, стесняется”; **Нам энчи гергнь болвза?** “Может быть, это его жена?”

Модальные слова в предложении могут обособляться и не обособляться. Случаи обособления фиксируются пунктуационно. Модальные слова подвижны, могут занимать в предложении разную позицию. Например:

1) в препозиции: **Лавта намар наад кежэж** “Он, конечно, смеялся надо мной”.

2) в интерпозиции: **Тегэд, йоста үндэн, чамаг амрар таньж болхмн бээж** “Поэтому тебя действительно легко можно было узнать”.

3) в постпозиции: **Тер, холд цергт йовх Андрей, Басц, Чүдтэ эдиэс кевтэ** “Оно [письмо], видимо, от Андрея, Басанга и Чюдты, которые служат далеко”.

Находясь в препозиции, модальные слова чаще всего являются модальными кулисами всего высказывания. Модальные слова, употребленные в ответной реплике диалога, выражают модальность предыдущего высказывания.

IV глава «Модальные частицы в системе категории модальности калмыцкого языка» состоит из трех параграфов. В них рассматриваются краткая история изучения частиц в русском языкознании и монголоведении, функционирование частиц в высказывании, сделана попытка систематизировать модальные частицы по разрядам.

§ 1. Из истории изучения частиц в русском и монгольском языкознании. Среди лексико-грамматических средств выражения модальности в современном калмыцком языке особое место занимают частицы, которые характеризуются как часть речи в составе служебных слов. Частицы придают различные дополнительные смысловые, эмоционально-экспрессивные и модальные оттенки целому предложению или его частям. Свое лексико-грамматическое значение они получают только в составе предложения, когда характеризуют или уточняют в нем значение того или иного слова. Модальные частицы в системе общей категории модальности занимают особое место.

В русском языкознании изучение частиц имеет богатую историю. Данная тема разрабатывалась в трудах известных лингвистов А.А. Шахматова, И.И. Мещанинова, А.А. Пешковского, В.В. Виноградова, Н.Ю. Шведовой, Т.М. Николаевой и др.

Модальные частицы наряду с традиционными группами частиц стали выделяться в монгольских языках сравнительно недавно. Модальные частицы изучались монголоведами Д.Ч. Стритом (1963), Э. Вандуем (1966), Ш. Лувсанванданом (1968), Л. Мишигом (1978), З.В. Шеверниной (1980), Г.Ц. Пюрбеевым (1981), Р.П. Харчевниковой (1995), П.П. Дамбуевой (2001).

Употребление частиц в различных типах предложений, особенности их сочетаемости с другими средствами выражения модальных значений подробно не рассматривались ранее на материале современного калмыцкого языка.

§ 2. Функционально-семантическая характеристика модальных частиц калмыцкого языка

Мы считаем, что значение модальных частиц совпадает с основным значением модальных слов. Это выражение различных модальных отношений и оценка говорящим степени достоверности сообщаемого с точки зрения возможности, необходимости, действительности, предположения, вероятности или заведомой

уверенности. Исходя из этого определения, к модальным частицам калмыцкого языка мы относим:

1. **Подтвердительные частицы:** мөн «да, действительно», -ми, -лм «же», -хи «ведь, же», -ус (-үс) «ведь, же», -ш «ведь». Их главное назначение состоит в подтверждении достоверности высказывания и общем усилении интонации предложения.

2. **Усилительно-выделительные частицы:** -л «ведь», чигн «и».

3. **Гипотетические модальные частицы** (частицы, выражающие проблематическую достоверность): биз «наверно, вероятно, пожалуй, видимо», хэ «вряд ли», хэ биз «вряд ли», хэ йир «едва ли, вряд ли» обозначают предположительность, неуверенность, неочевидность, недостоверность. Частицы хэ, хэ биз хэ йир выражают сомнение и крайнюю неуверенность в чем-либо [Грамматика калмыцкого языка, 1983].

4. **Вопросительные частицы:** -у (-ү) «ли», -й (-ий) «ли».

5. **Отрицательные частицы:** -го «нет конечно», -л уга>-лго «нет конечно», биший «разве не...».

Частицу биз некоторые исследователи рассматривают как «модальное слово». Так, З.В. Шевернина считает, что слово биз со значением «вероятно, наверно, видимо» имеется во всех монгольских языках (бур. бээз, калм. биз). Существует вполне вероятное предположение, что частица биз возникла в результате лексикализации сочетания глагольной формы бий /«есть»/ с частицей сомнения за. В современном монгольском языке в слове биз не чувствуется ни прежнего бытийного значения, ни значения времени, этимологические связи в нем нарушены, оно полностью модифицировалось в смысловом и функциональном отношении [Шевернина, 1980].

Модальная гипотетическая частица биз «наверно, вероятно, пожалуй, видимо» в калмыцком языке выражает вероятность, предположение. Она встречается при именах и причастиях, функционирующих в роли простых сказуемых или входящих на правах компонента в составное сказуемое. Например: Эн көвүнд болхла, тер арви арслчнь жирһлднь чигн орлцх биз “А этому мальчику те десять рублей, может быть, и пригодятся в жизни”; Тернь үни биз “Это, может быть, правда”; Намаг авхар ирсн эрлг та биз? “Может быть, вы и есть дьявол, пришедший за мной?”.

Вопросительная модальная частица -у (-ү) «ли» вносит в пред-

ложение оттенков предположения. Частица -у (-ү) присоединяется только к глаголам в формах изъявительного наклонения: **Аашхичн танахс меднү?** “Знают ли ваши о том, что ты идешь?”; **Янна, сәнэр кәдлжәнү?** “Ну как, хорошо ли работают?”; **Энчн хотын сээг иднү, хувцна сээг өмснү, өдрт бийән харнү?** “Ест ли он лучшее из еды, одевает ли лучшее из одежды, следит ли за собой?”

При наращении вопросительной модальной частицы -у (-ү) гласный элемент в аффиксах глаголов настоящего и прошедшего времени выпадает: **йовн(а)- йовну?** (ходит ли?), **йовл(а)- йовлу?** (ушел ли?).

В заключении в обобщенном виде излагаются основные результаты проведенного исследования и определяются перспективы дальнейшего исследования важнейших сфер синтаксиса и семантики предложения, которые в монгольском языкознании лишь начинают исследоваться в контексте современных достижений лингвистической науки.

Основные положения диссертации
отражены в следующих публикациях:

1. Из истории изучения категории модальности в монгольских языках // Сб. Молодежь в науке: проблемы, поиски, перспективы. Выпуск II. Элиста, 2005. С. 222 – 230.
2. О некоторых средствах выражения категории модальности в современном калмыцком языке // Вестник Института (КИСЭПИ). Элиста, 2005. № 1. С. 165-168.
3. Модальные образования как лексико-грамматическое средство выражения модальности в современном калмыцком языке // Вестник КИГИ РАН. Элиста, 2005. Выпуск 19. С. 14-22.
4. О модальных образованиях «кергтэ» и «зөвтэ» в современном калмыцком языке // Вестник КИГИ РАН. Элиста, 2006. Выпуск 20. С. 13-19.
5. Модальность достоверности (на материале современного калмыцкого языка) // Молодежь и наука: третье тысячелетие. Материалы II республиканской научно-практической конференции (Элиста, 30 ноября 2005 г.). Элиста, 2006. С. 68-76.
6. Модальность возможности (на материале современного калмыцкого языка) // Трофим Алексеевич Бертагаев: к 100-летию со дня рождения. Сборник научных статей. Элиста, 2005. С. 197-204.
7. Категория модальности и модальные слова в монгольских языках // Научная мысль Кавказа. Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Ростов-на-Дону, 2006. Спецвыпуск.

Подписано в печать 20.11.06. Формат 60x84/16
Бумага тип. №1. Усл.п.л.1.
Тираж 100 экз. Заказ 3.

Минитипография Министерства образования и науки
Республики Калмыкия
358000, г. Элиста, пл. Ленина, Дом Правительства.